

Глава сорок 40. Для Справедливого Удовлетворения Жалоб[1].

Цюй Цин Цзюй не понимала что происходит. В этой эпохе, к женщинам относились не так строго, как в предыдущей, однако Цюй Юэ Су только что достигла своего брачного возраста, а точнее пятнадцати лет. И она так беззаботно прогуливалась по этой улице с Ванг Ё, у которого уже была жена, разве это приемлемо?

Она смотрела на вуаль, надетую на другом человеке. Её внешность была едва ли заметна сквозь ткань, которая многих заставила бы задуматься. Она не хотела быть втянутой в какие-либо дела Чанг де Гонг фу, поэтому в конце она промолчала.

«Это Мэймэй» голос Цюй Юэ Су был такой же мелодичный, как и всегда и в нем слышалась нотка уважения. Она слегка поклонилась Цюй Цин Цзюй: «я и не думала, что встречу здесь сестру».

Она только что назвала её Дуан Ванг Фей.

После того как кто-то откликнулся на «Сан Мэй», остальные начали обращаться так же. Не было ни малейшего намёка на конфликт между Цюй Цин Цзюй и Чанг де Гонг Фу, так как она была её сестрой.

«Просто замечательный фестиваль, именно поэтому, я пришла, чтобы лицезреть его»

Цин Цзюй не проявляла ни малейшего интереса в разговоре с двумя Ванг Ё и незнакомой женщиной. Она холодно ответила и больше не разговаривала.

Цюй Юэ Су увидела её нежелание беседовать и отреагировала равнодушно, прежде чем замолчать. Она явно была проницательной личностью. Серия этих действий побудила Цюй Цин Цзюй задуматься о Лианг Ши, о том, как он смог вырастить такую дочь.

Внезапно среди четырёх людей повисла тишина. Все молчали. Как вдруг в небе взорвался огненный шар. Цюй Цин Цзюй подняла глаза, чтобы посмотреть. Она увидела манящий взгляд огонь, распространившийся повсюду, когда услышала возгласы людей.

Юэ Су тоже подняла голову, но она увидела только искры, когда фейерверк исчез. У нее не было желания смотреть, поэтому она повернула голову, в сторону Руй Ванга, стоявшего позади неё. Внешность другого красавца заставила ее слегка покраснеть.

«У братика в распоряжение есть прогулочный катер по реке, как насчет того, чтобы нам всем вместе понаблюдать за фонариками оттуда» – спокойно сказал Хи Юань, - «ходят слухи, что фейерверк сегодня вечером продлится два часа. На лодке было бы не так шумно. Ты ведь не побрезгуешь сыростью лодки?» В конце концов, на его лице появилась улыбка, которая скрывала гордость.

Услышав упоминание о катере, Хи Хёнг узнал это судно. Полномочия были переданы министерством сооружений третьему ребенку Императора. Он никогда не был на нем, но слышал, как люди упоминали об этом. У этой лодки была изысканная резьба. Поскольку у кое-кого было желание похвастаться, он не смог отказаться.

«Хорошо, мне не выпадал шанс взглянуть на твою лодку. Повезло, что мы встретились». Он повернулся к Цин Цзюй, взял её за руку и объяснился с улыбкой на лице: «Наблюдая за фонариками у реки, можно насладиться запахом».

Указательный палец её руки слегка расцарапал ладонь, затем она кивнула.

Хи Юань увидел их близкие, супружеские отношения и с отвращением убрал руки за спину, отводя глаза в сторону.

С другой стороны, Цюй Юэ Су была тронута этим. Такой человек как её сестра, с весьма типичным характером, смогла завоевать привязанность Дуань Ванга. Даже ее личность была более увлекательной, чем в прошлом. Влияние Дуан Ванга все – таки сказалось на ней. Она почувствовала восхищение в ее сердце, а также немного кисло – горькое ощущение.

Раньше дела Чан де Гун Фу обстояли лучше. Поэтому подумывали впустить её в Руи Ванг Фу. Даже если бы она не могла стать Чжэн фэй, после того, как Руи Ван преуспел на престоле, она могла, по крайней мере, быть фэй. Родив сына, она могла бы даже иметь счастье в будущем. Юэ Су уже смирилась с тем, что ей необходимо пройти через это, но стоило ей увидеть, как её сестра ходит под ручку и гуляет вместе с Дуань Вангом (Хи Хёнгом) то сразу же, она почувствовала боль в сердце.

В этом мире, девушка не хотела носить корону феникса и красную фату, когда они выходили замуж. Почему же она должна носить огромное ужасное платье, чтобы быть во власти другого человека, которого даже не назовешь мужем.

Стражи с двух сторон быстро растолкали окружающую толпу, оставив после себя достаточно места для своих хозяев. Цюй Цин Цзюй и Хи Хёнг шли самые первые, чувствуя себя очень важными персонами, а посторонним приходилось отходить.

По обе стороны дороги стояли торговцы, продающие закуски. Юань сяо, сладости и другие продукты питания. Они привлекали множество клиентов. Она даже видела как один маленький, пухлый мальчик, державший чашку супа с кунжутом, жадно поедая его.

Эти действия вызывали у неё улыбку. Она указала на маленький киоск, торгующий вкусностями из липкого риса, и прокомментировала Хи Хёнгу: «Ванг, это пирожное содержит семена кунжута и кусочки арахиса на нем, это весьма заманчиво».

Хёнг смотрел на неописуемую картину. Продавцы были обычной парой, за шестьдесят, но они казались очень энергичными.

«Продукты снаружи не очень чисты, не смей кушать слишком много», позже, он жестом приказал Цянь Чан Синю купить.

Цянь Чан Синь поспешно подошел к небольшому ларьку и дал горсть меди владельцу. Он даже принес миску и ложку. Затем он осторожно поднес липкое рисовое пирожное Хи Хёнгу.

«Ванг Ё, я потребовал добавить чуть больше орешек».

Хи Хенг кивнул и взял чашу, чтобы попробовать. Привкус был нормальным, однако чем-то все же отличался. Он держал чашу перед Цин Цзюй: «Вот держи, но если твой живот заболит ночью, я не виноват».

«Я - не неженка» Цюй Цин Цзюй не взяла миску, а протянула левую руку с ложкой, чтобы съесть пирожное. Правая рука слегка подняла ткань её вуали, рассматривая Хи Хёнга как своего слугу.

Цянь Чан Синь увидел, как хозяин и хозяйка начали идти еще медленнее и молча, опускали

голову.

Он не мог сказать, что Ванг Ё получил удовольствие от поступка.

После того, как несколько кусочков торта попали ей в желудок, Цюй Цин Цзюй отложила ложку, достала платочек, чтобы вытереть рот, и прокомментировала: «Вкус хороший. Я только что заметила, что кто-то продает тофу, но трудно есть на ходу».

«Прикажи нашему повару, сделать это для тебя». Хи Хёнг бросил чашу в Цянь Чан Синя и вытер руки. Он заявил, что «ты можешь лишь попробовать на вкус, но они должны быть хорошо обработаны».

Цюй Цин Цзюй послушно кивнула, действуя как «Ванг Ё, вы правы. Я слушаюсь вас во всём».

Хи Юань, который следовал за ним всю дорогу, молчал. Когда он увидел, что Хи Хёнг держать чашу для Цюй Ши, он удивился. Будучи одним из имперских сыновей и потомков дракона, они никогда никому не служили. У неё была некоторая особенность, заставлявшая Хи Хёнга любить обслуживание.

Не удивительно, что даже мать говорила о её лисьей натуре. Чтобы обвести Хёнга вокруг пальца, её приёмы должны быть экстраординарными.

Люди говорят, что вышедшая замуж женщина, приобретает хорошие качества.

Они не прошло и пятнадцати минут, когда они дошли до прогулочного катера. В этой гавани была лишь лодка Хи Юаня. У него даже были охранники, защищавшие её. Другие прогулочные катера были поставлены на якоря далеко отсюда, очевидно, он боится хоть немного повредить их в случае столкновения.

Хи Юань проигнорировал поклоны стражи и сопровождал парочку до лодки. Так как тут он распоряжался всем, то сообщил: «эта лодка двухъярусная, мы поднимемся наверх».

Цюй Цин Цзюй заметила, что даже перила лестницы были выгравированы рисунками гор и рек.

Ступени на которые опирались её ноги были сделаны из красного дерева высочайшего качества. Каждый шаг был таким же устойчивым, как и на твердой земле.

Хи Хёнг поднимался первый, аккуратно тянув Цин Цзюй за руку.

И только после достижения вершины он отпустил её руку.

Окна лодки были открыты. Рядом с окном был набор столов и стульев. Хи Юань усадил их двоих и сам же сел рядом с ним, прежде чем сказать все ещё неподвижно стоявшей Цюй Юэ Су: «пожалуйста, сядь». Он знал идею, что Чанг де Гун Фу. У него не было никакой заинтересованности в этой третьей дочери, но если бы он взял майюи Дуань Ван Фэй в качестве любовницы, как выглядело бы лицо лао?

Цюй Цин Цзюй сидела у окна, посматривая на поверхность воды, которая приобрела красный оттенок благодаря фонарям на обоих берегах. Восхищаясь пейзажем, она использовала руку, чтобы подпереть подбородок. Изредка, встречались фонари лотоса, которые держались на ходу, за счёт свечек, создавая еще одну ночную красоту.

«В холодную ночь гость пришел с такой срочностью, что чаю нужно было искать замену в виде вина». Вода закипела в бамбуковой кастрюле, обжигающий огонь был ярко-алым». Хи Юань поднял чашку, «Эр Гё, Эр Сао, почему бы вам не попробовать чай с этой лодки?»

Цюй Цин Цзюй услышала его слова и, что у этой парочки имелась тенденция навязывания чаепития. Человек, подобный ей, который не очень много понимал в чае, больше всего не любил, слышать этот вопрос. Она подняла вуаль, обнажив подбородок цвета слоновой кости. Цюй Цин Цзюй улыбнулась, когда она сделала глоток, а затем опустила свою вуаль, элегантно положив чашку на стол.

«Простой и элегантный, вкус надолго остается во рту», - Хенг положил чайную чашку и улыбнулся. Он похвалил: «Сан-ди так хорошо проводит свободное время. Я пока не могу найти вещи мне по душе».

«В последнее время мне не нужно обращаться в суд, поэтому я, естественно, буду уделять больше внимания этим вещам, - сказал Хи Юань с невеселой улыбкой, - Эр Гё погряз в обязанностях, на эти обыкновенные вещи не останется времени».

Услышав, иное упоминание о суде, Хи Хёнг повернул голову, чтобы посмотреть за окном. Затем развернулся, чтобы сказать: «Сан-ди шутит, просто на мгновение разозлился. Раскрыв правду, я боюсь, что Сан-ди снова будет занят судом».

Я надеюсь он скоро вернется и возьмет свои слова обратно. Сказал Хи Юань и беспомощно вздохнул. Он повернулся и сказал Цюй Юэ Су, который молча стояла в сторонке: «Я слышал, что ты имеешь навык игры на цине. Можно ли, члену семейства Ванг послушать?»

Скрытое под вуалью лицо Цюй Юэ Су окаменело. После небольшой паузы она убрала чашку из рук. Тихим голосом она сказала: «Песня со смыслом, надеюсь, что никто не засмеется». Закончив мысль, она подошла, чтобы сесть за цин. Перебирая струны, слышались звуки.

Улыбка на лице Хи Хёнга не изменилась, однако он стал смотреть свысока больше на людей Чанг-Гун Фу, нежели на других. Теперь Цин Цзюй стала Дуань Ван Фэй. А её сестра, Цюй Юэ Су, была готова играть музыку для Руи Ванга. Дочь Гонг фу, спешила стать любовницей. Он не знал, повредит ли это репутации Цин Цзюй или всему Чанг Гонг Фу.

У Цюй Юэ Су были хорошие навыки. Слушая музыку, Цюй Цин Цзюй поняла причину высокомерия Хи Юань. Он мог, на фоне своей спутницы, выглядеть гораздо лучше. Было понятно что, он не придавал им и малейшего значения.

Высокомерные люди обычно умирают рано. Цюй Цин Цзюй холодно улыбнулась. Таким образом, он хотел стать императором. Он был параноиком. Это было крайне бесстыдно. К счастью, весь город Цин знал, что она, как и Дуань Ван Фэй, не была близка к Чанг Гун Фу. В противном случае, если бы их не заботило, унижение самих себя, она бы все равно заботилась.

Цюй Юэ Су сыграла известную песню под названием «Облака над Сяо и реками Сянцзян [2]». Некоторые думали, что это была песня про сожаления в настоящем и ностальгии о прошлом, но другие почувствовали, что эта песня просто описала декорации. Независимо от этого, песня требовала очень высоких навыков. Если бы был хоть один изъян, они бы не смогли понять смысл в песне.

Цюй Цин Цзюй не была экспертом, но, будучи бывшей танцовщицей, у нее было чувство музыки. По крайней мере, она слышала, что, когда Цюй Юэ Су играла эту песню, ее настроение было не таким хорошим, как предполагалось.

«Навыки Сан-Сяодзи столь же экстраординарны, как о них и говорят», - Хи Юань некоторое время слушал, прежде чем продолжить пить чай. Затем внезапно заметил: «Навыки Эр Сао тоже должны быть необычными».

Он немного перегибал палку, говоря такое. Но вместо того чтобы рассердиться Цюй Цин Цзюй улыбнулась: «У вас действительно есть много свободного времени. Неудивительно, что вы тратите его на такие никчёмные вещи».

Её слова были очень грубыми, Хи Юань не знал что сказать в свою защиту. Сидя рядом с ней, Хи Хёнг не сказал ни слова, ясно давая понять, что нет ничего плохого в том, что только что сделала Цюй Цин.

Хи Юань показал изумленное выражение лица. Когда он закончил говорить, он обнаружил, что это не правильно, он привык быть нахальным и не ожидал, что эта Эр сао будет настолько невежливой.

В его сердце горело пламя. Он посмотрел на Хи Хёнга и не увидел ничего хорошего. Он мог только поднять свою чашку и сказать: «Это я был не прав, пожалуйста, прости меня».

Цюй Цин Цзюй лениво подняла свою чашку и добавила: «слишком вежлив». Но она не выпила чай.

Тень улыбки появилась на лице Хи Хёнга. Он поднял чашку чая и воскликнул: Брат мой, чай - это не вино, не пьяней. Его женщина была невероятно смелой, однако если бы ей пришлось молча страдать от всего этого, где был бы её муж?

Хи Юань выдавил улыбку и выпил, но почувствовал, что чай в его рту стал горький и крепкий; огонь в его сердце не может быть потушен.